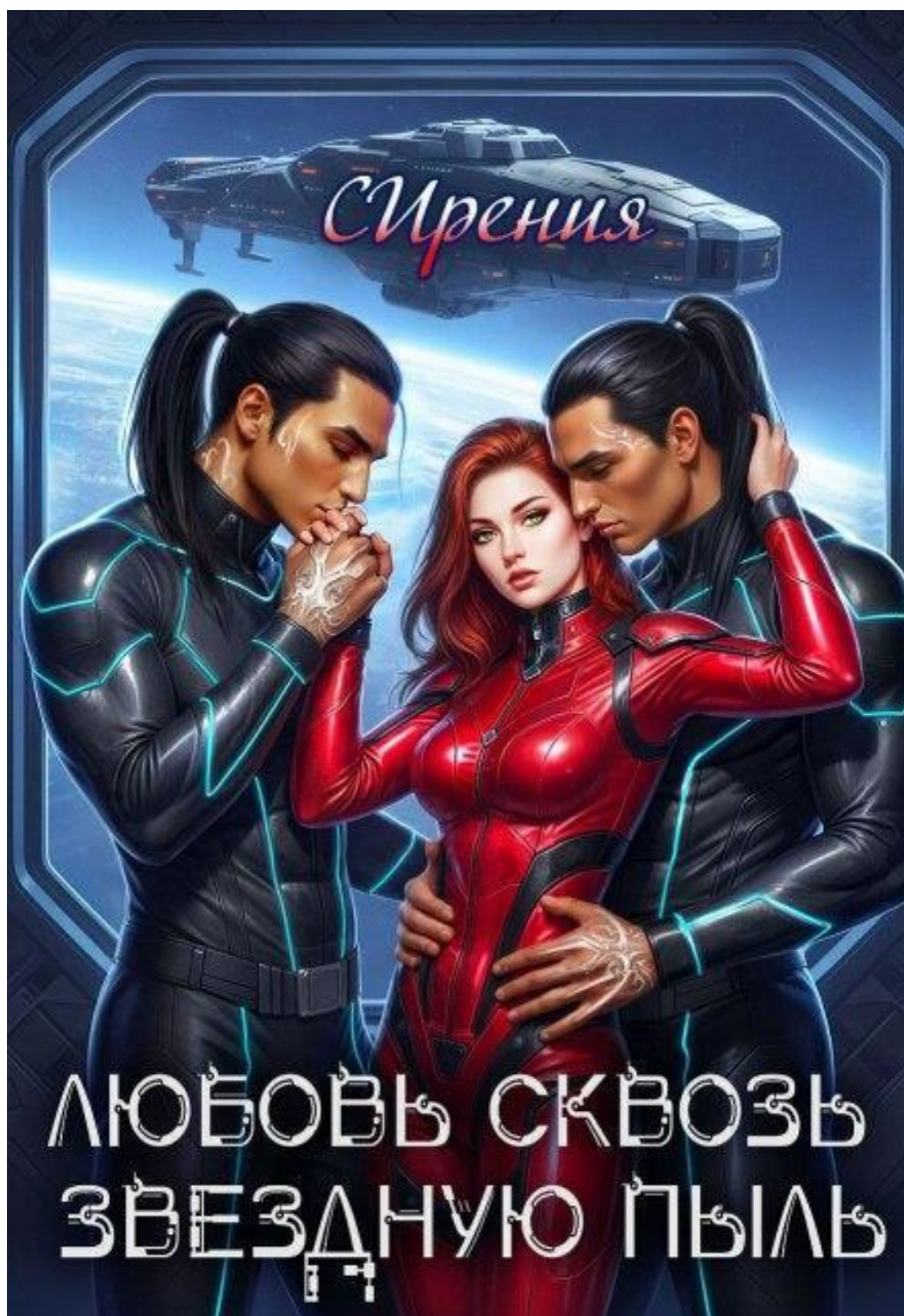

Сирения

ЛЮБОВЬ СКВОЗЬ
ЗВЕЗДНУЮ ПЫЛЬ

СИрения –
Любовь сквозь звездную пыль

«Литнет»

2025

– С.

Любовь сквозь звездную пыль / С. – — «Литнет», 2025

Меня продали на межзвездном аукционе. Чужие превратили мое тело в идеальную игрушку — сверхчувствительную, желанную, созданную для наслаждений сильных других миров. Но мои новые хозяева, братья инопланетной расы, увидели в моем даре не только тело. Я — ключ к силе, о которой они грезили. Наша запретная страсть стала оружием, а корабль — клеткой, мчащейся сквозь звезды от моего прошлого. Но сегодня, в крошечной тишине космоса, я снова чувствую это. Знакомый ледяной ужас в эфире. Чужие глаза скользят по моей душе. Они нашли нас. И в этот раз они не собираются отступать...

© – С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Аргон

Гул космоса был единственным звуком, заглушавшим вечный шепот в моей голове. Не шепот — грохот. Океан чужих мыслей, эмоций, желаний, обрушивавшихся на меня с той стороны зала, где толпился так называемый «цвет галактического общества». Для них это был аукцион. Для Зориана и для меня — последняя надежда. Отчаянная попытка найти то, чего, возможно, и не существовало.

Я стоял у огромного витража, в котором отражалась вся эта пестрая, отвратительная толпа. Безмолвный наблюдатель. В стекле виднелось и мое отражение — высокое, застывшее в напряжении тело, обтянутое темным, лишенным всяких украшений комбинезоном. И узоры. Всегда эти светящиеся узоры. Сегодня они пульсировали на моих висках и запястьях тревожным, почти ядовито-синим светом, выдавая внутреннюю бурю, которую я из последних сил старался обуздать.

«Успокойся, Аргон. Ты только усугубляешь.» — мысль Зориана, острая, как клинок, вонзилась в мое сознание. Он сидел за одним из столиков, развалившись с показной небрежностью, но я чувствовал, как натянуты струны его собственной воли. Его татуировки, видимые на шее и кистях рук, отливали тем же тревожным синим.

«Легко тебе говорить. Ты можешь притворяться. Я же чувствую каждого в этом зале. Каждую пошлую фантазию, каждую скупающую мысль. Это ад, Зориан.»

«А ты перестань слушать всех и начни искать одну. Ту самую.» — его ответ был обреченно спокоен. Мы уже проходили этот путь десятки раз. Надеялись. Ошибались. Боль от ошибок была... мучительной. Наша связь, дар нашей расы, благо и проклятие ларианцев, превращала любое разочарование в раскаленную иглу, вонзающуюся в мозг обоим.

Ведущий, какой-то многорукий уродец в ослепительных одеждах, расхваливал очередной «лот» — девушку с лиловой кожей и тремя парами грудей. В зале повизгивали от восторга. Я сглотнул ком отвращения, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Мы не искали тело. Мы искали душу. Разум. Ту самую психическую структуру, которая смогла бы выдержать мощь нашей симбиотической связи и не сломаться, а стать ее частью. Стать якорем. Стать третьей.

- Следующий лот — образец с третьей планеты системы Сол, примитивная гуманоидная форма, но показавшая необычайную устойчивость к модификациям и интересные психотклики! — голос ведущего прорезал гул.

Я лениво повернул голову. Платформа медленно поднялась из-под пола. И мир перевернулся.

На ней стояла она. Худая, почти хрупкая. Кожа бледная, как лунный камень, и от этого ее рыжие, спутанные волосы казались языками живого пламени. Она пыталась прикрыть наготу руками, но Дреи позаботились, чтобы ничто не скрывало «товар» от глаз покупателей. Ее тело было... идеально обычным. И от этого — самым прекрасным, что я видел за всю свою долгую жизнь. Но дело было не в теле. Я ее чувствовал.

В тот миг, когда мой взгляд упал на нее, оглушительный грохот чужих мыслей в моей голове стих. Не полностью, нет. Он отступил, словно гигантская волна, обнажив тихий, нетронутый берег. И с того берега донеслось... ничто. Тишина. Не пустота, а глубокая, звенящая, потенциальная тишина, словно перед грозой. И затем — первый удар.

Волна. Чистейшая, нефильтрованная эмоция. Не мысль, не образ. Животный, всепоглощающий страх, смешанный с жгучим стыдом и смутным, непонятным для нее самой возбуждением от прикосновения симбионта во время испытаний. Эмоция была такой сильной, такой яркой, что я аж вздрогнул и инстинктивно схватился за холодное стекло витража. Мои татуировки вспыхнули ослепительно-белым, выдав шок.

«Аргон?!» — голос Зориана в голове прозвучал тревожно. Он тоже почувствовал мой всплеск. Я не мог ответить. Я мог только чувствовать.

Она смотрела в толпу огромными, широко распахнутыми глазами цвета весенней листвы. В них читался ужас, но где-то в самой глубине — упрямая искра. Искра борьбы. Она дышала часто и поверхностно, грудь вздымалась, и каждый ее вздох отзывался во мне странным эхом, будто кто-то провел пальцем по самой грани моей души.

«Братец... это...» — мысль Зориана уже была лишена всякой бравады. В ней звучал тот же благоговейный ужас, то же узнавание. «Да, — мысленно выдохнул я, не в силах отвести от нее взгляд. — Она. Это она.»

Ведущий начал рассказывать о ее «достоинствах», о показателях фертильности, о психостойчивости. Но я его не слышал. Я чувствовал, как ее страх нарастает, подпитываемый голодными, похотливыми взглядами толпы. Чувствовал, как ее сердце колотится где-то у меня в горле. Чувствовал, как по ее коже бегут мурашки, и мне вдруг страстно захотелось провести по ней ладонью, не для обладания, а для успокоения. Чтобы та искра в ее глазах не погасла.

- Стартовая цена — пятьдесят тысяч кристаллов сириумия! — прокричал ведущий

В зале поднялся лес щупалец, лап и конечностей. Цена росла с бешеной скоростью. Какой-то слизняк в хрустальном аквариуме, пахнущий тинной и разложением, предложил двести тысяч. Мое собственное тело напряглось, как струна. Нет. Нет. Она не достанется ему. Она не почувствует его прикосновений. Не испытает того ужаса, который я сейчас чувствую от него.

Я оттолкнулся от витража и сделал шаг вперед. Мой голос, низкий и холодный, разрезал гул аукциона, как нож.

- Миллион.

На секунду воцарилась мертвая тишина. Все взгляды устремились на меня. Я видел, как вздрогнула и она, почувствовав внезапную концентрацию внимания. Ее взгляд метнулся в мою сторону, и наши глаза встретились. Второй удар был сильнее первого. Страх. Любопытство. Непонимание. И снова — эта звенящая, манящая тишина в самой основе ее существа, словно чистейший лист бумаги, на котором можно было писать нашей общей связью. Мои татуировки замерли, застыв в сложном, завораживающем узоре, светясь ровным, уверенным серебром.

Слизняк что-то пробубльнул, предлагая миллион двести.

- Два миллиона, — не повышая тона, сказал я, не отрывая от нее взгляда. Я говорил не слизняку. Я говорил ей. — И это не обсуждается.

Больше попыток не последовало. Молоток грохнул. Она наша.

- Забери ее, Зориан. Отведи на корабль. Осторожно. Я могу ее напугать, — обратился я к брату.

Я чувствовал, как дикая, первобытная радость, смешанная с жгучей тревогой, исходит от Зориана. Он поднялся и направился к платформе. Я же остался стоять, наблюдая, как он, грубый воин, невероятно нежным жестом набрасывает на ее плечи свой плащ, уводя ее из этого ада. Ее рука дрожала в его руке. Ее страх все еще прожигал меня насквозь, но теперь к нему примешивалась капля облегчения. И что-то еще. Что-то, от чего сжались мои кулаки и перехватило дыхание. Предвкушение. Она чувствовала тоже. Не понимая, что это такое. Самый важный трофей был у нас. Ее звали Полина...

Глава 2

Полина

Алекс целовал так, как будто хотел меня съесть. Его губы были влажными и настойчивыми, язык уверенно вторгся в мой рот, оставляя вкус дорогого вина и чего-то еще, металлического – азарта, наверное. Его руки, большие и немного грубоватые, скользили по моей спине, заставляя кожу покрываться мурашками. Мы валялись на огромном дурацком белом ковре в гостиной его загородного дома. Окна были распахнуты, впуская внутрь прохладу ночи и пьянящий аромат цветущих жасминов.

- Ты такая красивая, – прошептал он, его дыхание обожгло мое ухо. – Я всегда хотел тебя, Полина.

Его слова должны были заставить меня растаять. Вместо этого внутри шевельнулся холодный, противный червячок сомнения. Это было наше третье свидание. Алекс – старшекурсник, король факультета, красавец, за которым вздыхала половина универа. А я – Полина, скромная студентка-биолог, вечно с книжками. Его внимание льстило, ошеломляло и... пугало. Все происходило слишком быстро. Его пальцы нашли замок моего лифчика. Щелчок прозвучал оглушительно громко в тишине огромного дома. Его родители уехали на месяц в Европу. Мы были одни.

- Алекс, подожди... – я попыталась отстраниться, но он прижал меня сильнее, его тело тяжелым и горячим грузом легло на меня.

- Не бойся, – его голос прозвучал приглушенно, губы прижались к моей шее. – Я позабочусь о тебе.

В этот момент снаружи, за окном, завывала сирена. Нет, не сирена. Это был нарастающий, вибрирующий гул, от которого заложило уши и задрожали стекла в окнах. Яркий, пронзительно-синий свет хлынул в комнату, заливая все вокруг, выжигая сетчатку. Алекс вскрикнул и откатился от меня, подняв руку, чтобы прикрыть глаза.

- Что это такое?! – закричал он.

Я зажмурилась, но свет прожигал веки. Гул превратился в оглушительный рев, от которого содрогнулся весь дом. Я почувствовала, как меня поднимает. Нет, не так. С меня содрали всю тяжесть. Закон гравитации перестал существовать. Я парила в воздухе, беспомощно барахтаясь, все еще ослепленная этим адским синим сиянием. Краем глаза я увидела Алекса – его отбросило к стене, как тряпичную куклу, он ударился головой о камин и затих.

- АЛЕКС! – мой крик сорвался с губ и затерялся в гуле.

Невидимая сила сдавила меня, выжимая воздух из легких. Меня потащило к окну. К огромному, распахнутому окну, за которым клубилась та самая синяя бесконечность. Я пыталась цепляться за что-то, но пальцы скользили по гладкому полу. В последний миг я увидела свое отражение в черном телевизоре – испуганное лицо, растрепанные рыжие волосы, голое тело, залитое неземным светом. Потом – удар. Не о стекло. О тьму.

Я пришла в себя от пронизывающего холода. Подо мной было что-то твердое и ледяное, как хирургический стол. Я лежала на спине, и первое, что я увидела, скосив глаза, – это свои собственные ноги. Голые. Я резко попыталась сесть, но головокружительная слабость и тупая боль во всем теле заставили меня рухнуть обратно.

Я была в совершенно круглой комнате. Стены, потолок, пол – все было матово-белым и светилось ровным, безжалостным светом. Ни окон, ни дверей, ни теней. Только белизна, давящая на психику. Воздух пах стерильной чистотой, сладковатым озоном и чем-то еще, незнакомым и химическим.

- Живая? – хриплый голос донесся слева.

Я с трудом повернула голову. Рядом, на таких же холодных плитах, сидели и лежали другие девушки. Их было человек пять. Все голые. Все в таком же шоке. Ту, что сидела ближе всех ко мне, рвало. Ее худое тело содрогалось в конвульсиях. Другая, совсем юная, с волосами цвета пшеницы, просто лежала на боку, уставившись в стену пустыми, невидящими глазами. Еще одна, темнокожая, с коротко стриженными волосами, сидела, обхватив колени руками, и тихо, беззвучно плакала, ее плечи мелко тряслись.

-Где... где мы? – мой собственный голос прозвучал хрипло и непривычно.

-В жопе мира, милая, – это сказала та, что сидела поодаль. Короткие черные волосы, карие глаза, полные такой ярости, что стало немного страшно. На ее щеке краснел свежий синяк. – Или в мире жоп. Я уже и сама запуталась.

-Кто вы? – спросила я, с трудом поднимаясь на локти. Голова кружилась.

-Соня, – отозвалась черноволосая. – А это – Мари, – она кивнула на ту, которую рвало. – А это – Чжэнь, – кивок на плачущую темнокожую девушку. – А светловолосая – без имени пока. Молчит как рыба. А ты?

-П... Полина.

- Рада познакомиться, Полина, – Соня горько усмехнулась. – Добро пожаловать в клуб «Похищенных пришельцами». Их зовут Дреями. Правила простые: не отсвечивай, не сопротивляйся, и может тебя заберет какой-нибудь адекватный инопланетянин, а не тот, у кого щупальца вместо... ну, ты поняла.

Ее слова повисли в воздухе, обрастая леденящими душу подробностями. Похищение. Инопланетяне. Я посмотрела на свое голое тело, на голые тела других девушек, на эту белую, безжалостную камеру. И меня наконец-то накрыло волной такого всепоглощающего, животного ужаса, что я снова рухнула на плиту, сжавшись в комок и пытаясь хоть как-то прикрыться.

- Алекс... – прошептала я, глотая слезы. – Что с Алексом?

- Забудь про своего Алекса, – сурово сказала Соня. – Его нет. Здесь есть только мы. И они.

Как будто по сигналу, часть стены бесшумно отъехала в сторону. В проеме возникли две фигуры. Высокие, тощие, с серой, морщинистой кожей, огромными головами и совершенно черными, бездонными глазами. В них не было ни капли эмоций. Только холодное, безразличное любопытство. Один из них направился ко мне. Его длинные пальцы с двойными суставами протянулись к моему лицу. Я зажмурилась, затаив дыхание, ожидая боли. Но боли не было. Был лишь ледяной холод его прикосновения. И потом... в голову ударил шквал.

Образы. Звуки. Незнакомые пейзажи под кроваво-красным солнцем. Гортанные крики. И плоский, безэмоциональный голос, который звучал не снаружи, а прямо у меня в черепе: «Образец 734-Дельта. Пси-индекс в норме. Физиология стабильна. Можно приступать к фазе модификации.»

Я закричала. Не от боли. От ужаса вторжения. От понимания, что это только начало. Начало моего нового существования.

Глава 3

Крик застрял у меня в горле, превратившись в судорожный, беззвучный лай. Я отползла назад, ударились спиной о холодную стену и замерла, уставившись на приближающихся Дреев. В голове все еще звенел тот безжизненный, чужой голос. «Модификация». Это слово звучало куда страшнее, чем «пытка» или «эксперимент». Оно несло в себе что-то окончательное, необратимое.

Один из Дреев — тот, что сканировал меня — неподвижно замер, его черные глаза, казалось, просверливали меня насквозь. Второй, державший в руках какой-то продолговатый аппарат из блестящего металла, издал короткий, щелкающий звук. Не ртом, а чем-то внутри горла.

- Не дергайся, — шиплю прошептала Соня, не поворачивая головы. — Чем больше сопротивляешься, тем больше будет. Проверено.

Но как не дергаться? Как принять то, что сейчас с тобой будут делать что-то неизвестное и ужасное? Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Я видела, как Дрей с аппаратом подошел к светловолосой девушке. Она все так же лежала, уставившись в пустоту. Он без всяких предисловий приложил аппарат к ее виску. Раздалось тихое, противное жужжание. Девушка не закричала. Она просто застонала — тихо, безнадежно, и по ее виску побежала струйка алой крови, быстро смываемая голубоватым лучом, исходящим из того же устройства. Я сглотнула комок тошноты. Мари, которую только что рвало, сдавленно всхлипнула и отвернулась. Чжэнь замолкла, уткнувшись лицом в колени.

Подошла моя очередь. Тот, что сканировал, сделал едва заметный кивок. Второй Дрей направился ко мне. Его черные глаза не выражали ничего. Ни злобы, ни удовольствия. Лишь холодный, профессиональный интерес, как у лаборанта, берущего кровь у лабораторной мыши.

- Нет... — вырвалось у меня шепотом. — Пожалуйста, нет...

Он не обратил на мои слова никакого внимания. Его длинные пальцы с нечеловеческой силой впились в мое плечо, прижимая к стене. Я зажмурилась, чувствуя, как холодный металл аппарата касается кожи у виска. Пахло озоном и горелой плотью. Боль была острой, жгучей, будто мне в мозг ввинчивали раскаленную спицу. Я закричала, наконец, сорвавшись на визг, вырываясь, но его хватка была мертвой. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли красные пятна. А потом... потом боль сменилась странным ощущением распираания, будто в мою голову вливали что-то теплое и живое.

Жужжание прекратилось. Аппарат убрали. Я рухнула на пол, хватая ртом воздух, чувствуя, как по щеке течет что-то теплое — кровь. Но физическая боль была ничто по сравнению с тем, что творилось внутри. В голове стоял гул. Но теперь это был не просто шум. Это были... обрывки. Обрывки мыслей. «...следующий образец требует коррекции гормонального фона... партия 734 не соответствует заявленным требованиям, утилизировать после... этот примитивный вид, однако, показывает удивительную пси-пластичность...»

Голоса были плоскими, безэмоциональными, точно такие же, какой я слышала во время сканирования. Это были мысли Дреев. Я слышала их мысли. Я понимала их.

Я подняла голову, глаза у меня были полны слез, а губы дрожали. Дрей уже уходил, их бесшумные шаги не издавали ни звука. Дверь за ними закрылась. В камере повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Мари.

- Что... что они сделали? — прошептала я, касаясь пальцами липкой крови на виске. Ранка была крошечной, почти уже затянувшейся.

- Сделали так, чтобы мы понимали, что с нами будут делать дальше, — мрачно ответила Соня. Она сидела, обхватив колени, и смотрела в пол. — Чтобы мы могли осознать весь ужас нашего положения. Весьма любезно с их стороны, не правда ли?

- Я... я слышала их, — выдохнула я, не в силах поверить в это. — В своей голове. Я понимала, о чем они думают.

Чжэнь подняла заплаканное лицо.

- Это лингвистический имплант, — тихо сказала она. Ее голос был мягким, с приятным акцентом. — Они вживляют его всем. Чтобы мы могли понимать любую речь и... чтобы покупатели могли нам отдавать приказы. Прямо в голову.

От ее слов стало еще хуже. Я не просто понимала их. Они могли влезать в мой мозг, отдавать команды. Я превращалась в биоробота.

- А зачем? — спросила я, почти не надеясь на ответ. — Для чего мы им?

Соня горько усмехнулась.

- Для развлечения? Для науки? Какая разница? Я видела, как они уводили девушек из предыдущей партии. Они не возвращались. Либо их купили, либо...

Она не договорила, но все и так поняли.

- Нет, — вдруг сказала Мари, ее голос был хриплым после рвоты. Она поднялась на локти, ее глаза блестели лихорадочным блеском. — Я слышала, о чем они говорили. Когда меня вели... Они говорили о «повышении совместимости», об «адаптации репродуктивных функций для межвидового скрещивания». — она сглотнула, глядя на нас с каким-то безумным торжеством. — Они готовят нас к тому, чтобы мы могли... вынашивать детей. От них. От любых из них.

Ее слова повисли в воздухе, густые и невыносимые. В камере стало тихо настолько, что я услышала, как где-то за стеной зашипел сжатый воздух. Чжэнь снова заплакала, тихо, беззвучно. Соня стиснула зубы, ее глаза были сухими и полными ненависти. А я просто сидела, прислонившись к стене, и пыталась осознать это. Нас не просто похитили. Нас не просто будут продавать. Нас готовят в качестве инкубаторов. Существ для рождения полукровок. Для каких-то инопланетных рас.

По моей коже побежали мурашки. Но на этот раз это был не страх. Это было острое, всепоглощающее отвращение. Тело, которое еще недавно наслаждалось ласками Алекса, теперь чувствовало себя грязным, оскверненным самой мыслью о таком будущем. Я обхватила себя руками, пытаясь сдержать дрожь. Я чувствовала крошечную ранку на виске — шлюз, через который в меня уже начали вливать этот новый, ужасный мир. В понимании того, что меня ждет. И в полной, абсолютной невозможности это остановить.

Глава 4

Время в белой камере текло иначе. Оно не делилось на день и ночь, а пульсировало между приступами ужаса и короткими периодами оцепенения. Мы спали урывками, просыпаясь от каждого шороха за стеной, ели безвкусную питательную пасту, которую приносили Дреи, и молчали. Разговоры иссякли. Каждая из нас ушла в свою раковину страха, и тишина между нами стала густой, как сироп.

Мой новый «дар» — слышать обрывки мыслей — превратился в настоящее проклятие. Я не могла отключить его. Сквозь стену доносилось: «...инъекция 734-Гамма вызвала неожиданный иммунный ответ, образец придется утилизировать...» или «...подготовить камеру для следующей партии, требуется ускорить процесс...». Каждое такое сообщение заставляло мое сердце замирать. 734-Гамма? Это была одна из нас? Та, которую увели вчера и которая не вернулась?

Но настоящий кошмар начался позже. В очередной «визит» Дреи не стали никого сканировать. Они внесли странный аппарат — нечто вроде прозрачного кокона на подставке. От него отходили десятки тонких, гибких трубок с иглами на концах. Без всяких объяснений они схватили светловолосую девушку. Она наконец-тоотреагировала — запищала, забилась. Ее втокнули в кокон, иглы вонзились ей в спину, в руки, в шею. Прозрачная оболочка закрылась, и ее фигура стала размытой, искаженной. Аппарат заработал, издавая низкое, утробное гудение. Через трубки побежали жидкости разных цветов: мутно-желтая, густая сиреневая, ярко-алая.

Я смотрела, не в силах отвести взгляд, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Я ждала криков. Но их не было. Вместо этого через стекло кокона до меня донеслось... странное чувство. Не боль. Не страх. А волна. Горячая, тяжелая волна какого-то животного, примитивного удовольствия. Она исходила от нее, смешанная с эйфорией, и била в меня, как физическая сила. Мои собственные внутренности отозвались на это предательским теплом. Кожа на животе заныла, стало душно. Я сглотнула, чувствуя, как краснею. Это было омерзительно. Меня возбуждало то, что происходило с этой несчастной.

Процедура длилась недолго. Кокон открылся. Девушку вытащили. Она не стояла на ногах, ее глаза были закатаны, на губах блуждала блаженная, идиотская улыбка. По ее внутренней стороне бедра стекала струйка какой-то розовой жидкости. Дреи повели ее, она шла, пошатываясь, и тихо смеялась.

Меня вырвало. Прямо на пол. Спазмы сжимали желудок, слезы текли из глаз. Соня молча отвернулась. Чжэнь зажмурилась.

- Что они с ней сделали? — прохрипела я, вытирая рот.

- Сделали то же, что скоро сделают с нами, — безразличным голосом сказала Соня. Ее собственное лицо было бледным. — Готовят тело. Чистят, удобряют почву. Чтобы любой сорняк мог в ней прорасти.

Меня забрали следующей. Я не сопротивлялась. Какая-то часть моего разума уже сдавалась, поняв бесполезность борьбы. Меня втокнули в кокон. Стекло крышки захлопнулось с тихим щелчком, запирая меня в тесном, прозрачном гробу. Пахло стерильностью и чем-то сладким, приторным. Я увидела, как иглы на гибких манипуляторах нацелились на меня. Холодные уколы в шею, в предплечья, в низ живота. Сначала — лишь легкое жжение. Потом... Потом мир взорвался.

Внутри меня не было боли. Был взрыв. Термоядерный взрыв ощущений. Каждая клетка моего тела внезапно проснулась, закричала, застонала от невыносимой чувствительности. Я ощутила, как воздух внутри кокона касается моей кожи — и это было подобно ласкам опытного любовника. Ткань кокона у спины — грубое прикосновение, заставляющее выгнуться. Собственное дыхание — горячее, влажное, будто чьи-то страстные поцелуи.

А потом пошли жидкости. Я чувствовала, как они вливаются в меня, растекаясь по венам огненными ручьями. Жар охватил все мое существо, сконцентрировавшись внизу живота, в распирающем, пульсирующем комке сладостного напряжения. Я застонала, непроизвольно, не в силах сдержаться. Мое тело выгибалось, ища трения, давления.

В голове поплыли образы. Смутные, бессвязные. Сильные руки. Горячие губы. Грубые ладони, скользящие по моей гиперчувствительной коже. Чей-то рот на моей груди. Другой — между ног. Это были не воспоминания об Алексе. Это были фантазии. Я видела тени, которых никогда не встречала — и мое тело, мое преданное, измененное тело, отвечало на них диким, стыдным откликом.

Я кончила. Без всяких прикосновений. От одного лишь безумного вихря ощущений. Судорожная, мучительная волна удовольствия, смешанного с таким глубинным стыдом, что мне захотелось умереть тут же, в этом стеклянном гробу. Слезы текли по моим вискам, смешиваясь с потом. Гудение аппарата прекратилось. Иглы вышли из меня. Кокон открылся. Я рухнула бы на пол, но Дреи подхватили меня. Их прикосновения к моей коже были подобны ударам тока. Я вздрагивала и стонала, не в силах контролировать свою реакцию.

Меня бросили обратно на холодный пол камеры. Я лежала, свернувшись калачиком, вся дрожа, чувствуя, как по моим внутренностям все еще бегут остаточные разряды удовольствия. Было влажно, горячо и мерзко. Я слышала, как Союю ведут к аппарату, как захлопывается крышка. Закрыла глаза, пытаясь сбежать в себя. Но и там меня ждал кошмар. Тело, которое я знала и которым владела, больше не принадлежало мне. Оно стало чужим, отзывчивым на любой стимул, заряженным до предела похоти, готовым принять любого, кто к нему прикоснется. Они не просто готовили меня к рождению детей. Они делали из меня идеальную, ненасытную блудницу.

Глава 5

Я пришла в себя от прикосновения. Чьего-то легкого, осторожного касания к плечу. Я вздрогнула, отшатнулась, и волна стыда накатила на меня с новой силой. Мое тело среагировало даже на это — предательский трепет пробежал по коже, внизу живота екнуло.

- Тихо, — прошептал голос. Это была Чжэнь. Она сидела на корточках рядом, ее темные глаза полны были не страха, а жалости. — Дыши. Просто дыши. Это пройдет.

- Что пройдет? — мой голос прозвучал хрипло, будто я всю ночь кричала. Я и кричала. В своем сне.

- Первая волна, — так же тихо сказала она. — Самая сильная. Потом... потом будет легче. Ты просто будешь всегда... готова.

Она произнесла это слово с такой горькой иронией, что мне стало еще хуже.

Я села, опершись спиной о стену. Тело все еще было чужим. Каждый мускул, каждая пора жили своей собственной, гиперчувствительной жизнью. Я ощущала биение своего сердца в самых потаенных местах. Вкус питательной пасты во рту был похож на самый изысканный десерт, а грубость плиты под бедрами — на ласку наждачной бумаги, болезненную и возбуждающую одновременно.

Соню уже принесли назад и бросили рядом. Она лежала на боку, поджав колени к груди, и смотрела в стену. Ее тело было покрыто испариной, губы прикушены до крови. Она не плакала. Она просто смотрела, и в ее взгляде была такая немыслимая ненависть, что, казалось, она могла бы прожечь стены. Мари, прошедшая через кокон раньше нас, сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, и что-то напевала себе под нос. Ее глаза были пусты. Она сломалась. Окончательно и бесповоротно.

- Как ты...?» — я кивнула в сторону Чжэнь, не в силах договорить. - Как ты остаешься в своем уме?

Она печально улыбнулась.

- Я буддистка. Я пытаюсь медитировать. Отделять разум от тела. Это... не всегда получается, - она посмотрела на свои тонкие запястья. - Но я пытаюсь. Мы все должны пытаться. Иначе мы станем как они. — кивнула она в сторону Мари.

Внезапно Соня резко повернулась к нам. Ее глаза горели.

- Медитировать? Сидеть сложа руки и ждать, пока эти уроды превратят нас в послушных сучек? Нет уж. Я не для того выжила в детском доме, чтобы сдаться тут.

- Что ты предлагаешь? — спросила я, и в моем голосе прозвучала надежда, жалкая и крошечная.

- Я предлагаю бороться! — она прошипела, сжимая кулаки. — Их двое. Когда они придут в следующий раз... мы набросимся. Вдвоем, втроем — неважно. Выцарапаем им глаза. Откусим что-нибудь. Они не ожидают этого.

Это было безумие. Самоубийство. Но в ее словах была такая сила, такая ярость, что мое собственное смятение отступило перед ней. Да. Лучше умереть, чем стать вот этим — всегда готовым, всегда жаждущим животным. Чжэнь покачала головой, ее лицо исказилось от страха.

- Они убьют нас. Или еще что-то похуже...

- А что может быть хуже?! — Соня вскочила на ноги, ее гневное шипение эхом разнеслось по камере. — А? Превратиться в вечно текущую мокрую дыру, которая будет рада любому, у кого есть подходящий инструмент? Я не позволю!

Ее крик, казалось, разбудил Мари. Та перестала раскачиваться и посмотрела на Соню пустым взглядом. Потом медленно подняла руку и показала пальцем на стену. Мы замерли. Из стены доносился едва слышный щелчок. Знакомый щелчок приближающихся шагов. Сердце у меня ушло в пятки. Адреналин, острый и чистый, на секунду перебил химический туман

в крови. Соня метнулась к тому месту, где должна была появиться дверь, прижалась к стене, как хищница, готовясь к прыжку. Ее лицо было искажено гримасой ярости. Дверь бесшумно отъехала. Вошли двое Дреев. Как всегда, безразличные, неспешные.

Соня двинулась с места. Ее прыжок был стремительным и молчаливым. Она вцепилась в ближайшего Дрея, пытаясь дотянуться до его огромных, черных глаз, царапая серую кожу ногтями. Это длилось долю секунды. Дрей даже не пошевелился. Кажется, он даже не взглянул на нее. Из его пояса выстрелило нечто вроде энергетического поля. Словно невидимая рука швырнула Соню через всю камеру. Она ударилась о противоположную стену с глухим, костным хрустом и затихла, обмякнув. Второй Дрей достал тот самый аппарат, что вживлял имплант. Он навел его на неподвижное тело Сони. Раздалось короткое жужжание. Тело Сони дернулось в судорогах, а потом замерло окончательно.

Меня парализовало ужасом. Я не могла пошевелиться, не могла издать звук. Я просто смотрела, как Дреи подходят ко мне и Чжэнь. Та забилась в угол, закрыв лицо руками. Ко мне протянулись те самые костлявые пальцы. Я зажмурилась, ожидая удара, боли, смерти. Но меня просто грубо развернули и толкнули к выходу. Чжэнь потащили следом. Мы шли по коридору, и я понимала, что нас ведут не на очередную процедуру. Нас ведут мимо других дверей. Мимо камер, где, должно быть, сидели другие такие же, как мы.

И тогда я услышала. Сначала это был едва уловимый шорох. Потом — нарастающий гул. Он исходил отовсюду — из-за стен, сверху, снизу. Женский стон. Не крик боли. Нет. Это был стон наслаждения. Глубокий, протяжный, животный. К нему присоединился другой. Потом еще, и еще. Десятки, сотни стонов сливались в один, непрерывный, пульсирующий гимн искусственной похоти. Это был не крик страдания. Это был звук полного подчинения. Звук тел, которые прошли через все стадии и теперь лишь функционально реагировали на любые стимулы, издавая эти однообразные, механические звуки удовольствия. Ад представлялся мне огнем и серой, но это был ад из плоти и стона. Меня затрясло. Чжэнь шла рядом, не поднимая головы, и я слышала, как она беззвучно плачет, ее плечи содрогались.

Нас привели в другое помещение — большое, залитое голубоватым светом. Вдоль стен стояли открытые капсулы, и в них лежали девушки. Их тела были подключены к аппаратам, которые мягко массировали их, наносили на кожу какие-то масла, распыляли ароматы. Это выглядело как спа-салон, но это была самая отвратительная сцена, которую я только видела. Их глаза были пусты, на губах — блаженные, идиотские улыбки. Они были готовы. Окончательно и бесповоротно.

Глава 6

Одну из девушек — ту самую светловолосую, что прошла кокон первой — два Дрея укладывали на нечто вроде гинекологического кресла. Она обвивала их шеи руками, прижималась к их безразличным, холодным телам, что-то лопотала на непонятном языке, полном похотливых интонаций. Они отцепили ее, как отцепляют надоевшую кошку, и принялись за нас.

Нас с Чжэнь без церемоний втолкнули в две свободные капсулы. Манипуляторы с мягкими щетками принялись мыть наши тела. Вода была идеальной температуры, прикосновения — идеально рассчитанными, чтобы доставить максимальное удовольствие. И оно приходило. Предательское, ненавистное тепло разливалось по моей коже, заставляя расслабляться мышцы, издавать тихие, стыдные звуки. Я кусала губу до крови, пытаюсь сопротивляться, но мое тело, мое новое, измененное тело, предавало меня снова и снова.

Потом нанесли масло. Его аромат был пьянящим, дурманящим. Он пах желанием. Чистым, неразбавленным влечением. Он впитывался в кожу, и я чувствовала, как по мне бегут мурашки, как нарастает то самое, знакомое уже давление внизу живота. Я сжала кулаки, упираясь в мягкое ложе капсулы, пытаюсь думать о чем-то другом. Об Алексее. Об универе. О домашнем задании по биологии. Но вместо лекционной доски я видела только эти черные, бездонные глаза Дреев. Вместо учебника — свои дрожащие, покрытые маслом руки. И мое тело откликалось на эти кошмары постыдным, влажным жаром. Рядом Чжэнь тихо плакала, но и ее дыхание стало прерывистым, глубоким. Она тоже проигрывала эту битву.

Когда процедура закончилась, нас вынули из капсул. Наша кожа блестела и пахла грехом. Нам выдали что-то вроде простых серых халатов — единственный признак того, что мы больше не просто голое мясо, а почти товар, готовый к упаковке. На обратном пути в камеру я увидела Соню. Вернее, то, что от нее осталось. Ее тело уже убрали, но на стене рамплылось темное пятно. А на полу, у самой двери, валялась одна из ее сережек — маленький серебряный череп. Я остановилась, не в силах оторвать взгляд от этой крошечной, жалкой вещицы. Это был единственный кусочек ее личности, ее бунта, который она смогла оставить здесь. Дрей толкнул меня в спину, заставляя идти дальше.

В камере нас ждала только Мари. Она сидела в углу и... ублажала себя. Ее глаза были закрыты, на лице — отрешенная улыбка. Она тихо стонала, полностью погруженная в свои ощущения, давно забывшая, кто она и где находится. Чжэнь рухнула на землю, закрыла лицо руками и затихла. Я подошла к тому месту, где обычно сидела Соня, и медленно опустилась на холодный пол. Больше не было злости. Не было ненависти. Не было даже страха. Осталось только леденящее, абсолютное понимание.

Победа Дреев была тотальной. Они сломали Соню. Превратили Мари в животное. Они выжали из нас все человеческое, оставив лишь базовые инстинкты и отклик на стимулы. Я посмотрела на свою руку — чистую, ухоженную, пахнущую чем-то цветочным и порочным. Я была больше не Полиной. Я была образцом 734-Дельта. И меня готовили к продаже.

Вскоре, к нам вернулись эти твари. Их внимание переключилось на Чжэнь. Один из Дреев подошел к ней и приложил к ее виску небольшой сканер. Она вздрогнула, но не сопротивлялась. Я увидела, как ее глаза на мгновение закатились, а по телу пробежала судорога. Когда он убрал руку, выражение ее лица изменилось. Пассивная покорность сменилась... оживлением. Легкий румянец выступил на ее щеках, губы приоткрылись в томлении. Они просто щелчком переключателя усилили в ней то, что и так уже бушевало под кожей.

Потом пришла очередь Мари. С ней проделали то же самое. Ее стоны стали громче, навязчивее. Она смотрела на Дреев не пустым, а голодным взглядом.

И вот они подошли ко мне. Тот же Дрей со сканером. Черные глаза смотрели на меня безразлично, но я чувствовала легкое любопытство в его мыслях. «Интересно, сломается ли

она...» Холодный металл коснулся виска. Я замерла, собрав всю свою волю в кулак. Я не медитировала, как Чжэнь. Я не злилась, как Соня. Я просто... отключилась. Я представила себя камнем на дне глубокого, черного озера. Холодным, гладким, непроницаемым. Никаких эмоций. Никаких мыслей. Только тишина и лед. Жужжание сканера вошло в меня, пытаюсь найти крючок, за который можно зацепиться, чтобы вытащить наружу все те инстинкты, что они в меня вложили. Но там было не за что зацепиться. Там была только тьма и молчание.

Аппарат щелкнул и замолк. Дрей на секунду задержал его у моего виска, его безразличное лицо, казалось, выразило легкое удивление. «Любопытно. Сопротивление.» Он убрал руку.

Я не почувствовала ничего. Ни новой волны развращающего жара, ни покорности. Только ту же самую, привычную уже горечь на языке и холод ошейника на шее. Он что-то щелкнул другому Дрею, и они вышли, оставив нас втроем — Мари, которая уже закатывала глаза от переполнявших ее ощущений, Чжэнь, смотрящую на дверь с тупым ожиданием, и меня. Несломленную. Пока еще.

Дверь закрылась. Я медленно подняла руку и дотронулась до своего лица в отражении на стене. Кукла с безжизненными глазами. Но где-то глубоко внутри, под слоями страха, боли, тлела одна-единственная искра. Искра ненависти. Не яростной, как у Сони, а холодной, расчетливой и терпеливой. Они сделали из меня товар. Они выставили мою плоть на продажу. Они отняли у меня все. Но они оставили мне одну вещь. Единственное оружие, которое у меня осталось. Мой разум.

Дорогие мои читатели! Приветствую вас на страницах моей книги! Мне будет очень приятно если вы поставите мне звездочку и подпишетесь на меня. А я буду дарить вам много интересных и горячих новых книг.

Приглашаю заглянуть в еще одну мою книгу "Артефакт времени и пространства"
<https://litnet.com/shrt/LWPC>

Глава 7

Тишина в каюте стала иной после исчезновения Сони. Она была тяжелой, густой, как похоронный саван. Чжэнь не плакала больше. Она сидела, обхватив колени, и смотрела в одну точку, ее дыхание было ровным и безжизненным. Мари продолжала жить в своем мире тихих стонов и прикосновений, полностью отгородившись от реальности. А я... я просто существовала.

Мои мысли текли медленно, вязко, как сироп. Я пыталась вспомнить лицо матери, запах домашнего хлеба, звук дождя за окном моей комнаты в общежитии. Но воспоминания были призрачными, расплывчатыми, будто принадлежали не мне, а какой-то другой девушке из другой жизни. Единственной реальностью были голые стены, холод плит под ногами и постоянное, фоновое жжение в крови — напоминание о том, что они в меня влили.

Прошло еще несколько «циклов» — приход Дреев, безвкусная паста, сон, который не приносил отдыха, а лишь был полон кошмаров, где я была не собой. В один из таких «дней» дверь открылась, и вошли не двое, а четверо Дреев. И с ними — что-то новое.

Они не повели нас на процедуры. Вместо этого они внесли струйные излучатели и несколько рулонов тонкой, переливающейся ткани. Один из Греев жестом приказал нам встать и снять халаты. Мы повиновались молча, даже Мари, чье лицо на мгновение исказилось гримасой непонимания, но тело действовало автоматически. И началась самая унижительная часть нашего приготовления.

Струйные излучатели, управляемые точными движениями Дреев, принялись наносить на нашу кожу узоры. Это не было больно. Это было похоже на легкое, щекочущее прикосновение перьев. Но с каждым движением аппарата на моих бедрах, животе, груди проявлялись сложные, извилистые узоры, похожие на древние письмена или схемы микросхем. Они переливались золотом и перламутром, подчеркивая изгибы тела, делая его еще более соблазнительным и... чужим. Я смотрела на свои руки, покрытые этим мерцающим орнаментом, и чувствовала, как последние остатки «Полины» растворяются под ним. Я становилась продуктом. Упаковку которого делают привлекательной для покупателя.

Потом пришла очередь ткани. Ее не надевали. Ее наносили. Специальный аппарат распылил на нас облако мельчайших блесток, которые прилипли к коже, образовав нечто вроде невесомого, почти невидимого платья. Оно лишь слегка мерцало при движении, намекая на наготу, скрывая и одновременно выставляя ее напоказ.

Затем — волосы. Нас заставили сесть, и манипуляторы принялись укладывать наши волосы в сложные, причудливые прически. Мои рыжие пряди были заплетены в жесткие, блестящие шиньоны, украшенные тонкими серебряными нитями, которые мерцали, словно звездная пыль. Я смотрела на свое отражение в полированной стене — незнакомая, покрытая узорами и блестками дикарская кукла с пустыми глазами.

Финальным штрихом стал ошейник. Каждой из нас надели на шею тонкий, холодный обруч из белого металла. На нем загорелась маленькая лампочка.

«Образец 734-Дельта. Готов к транспортировке. Ожидает оценки.» — прозвучало у меня в голове его безжизненное сообщение. Я потрогала ошейник пальцами. Металл был гладким и не поддавался. Это был знак собственности. Клеймо. Последняя печать.

Дреи отступили, оценивая свою работу своими безэмоциональными черными глазами. Они переговаривались между собой короткими, щелкающими звуками, но я уже могла улавливать смысл.

«...показатели в норме. Реакции ожидаемые. Можно выставлять на блок.»

«Образец 734-Эпсилон (Чжэнь) демонстрирует повышенную пассивность. Возможно, потребуется коррекция после аукциона.»

«Образец 734-Зета (Мари) стабилен. Высокий потенциал для рас с доминирующей биологической программой.»

Они говорили о нас, как о бракованной или качественной технике. И в тот самый момент, когда один из Дреев повернулся ко мне, я поймала его мысленный «взгляд».

«Образец 734-Дельта. Непредсказуем. Высокий пси-индекс. Высокий риск. Высокая потенциальная стоимость.»

Он видел во мне не просто мясо. Он видел сложный, опасный инструмент. И почему-то это наполнило меня не страхом, а странным, ледяным спокойствием. Они боялись меня. Пусть даже всего лишь как непредсказуемый переменный в своем уравнении.

Шум обрушился на меня, едва платформа с нашим «блоком» выдвинулась в зал. Гул голосов, шелканье, шипение, странная музыка — все смешалось в оглушительную какофонию. Воздух гудел от чужих мыслей, желаний, похоти. Сотни глаз уставились на нас, голодных, оценивающих.

Меня толкнули вперед, на вращающуюся подложку. Свет софитов ударил в лицо, ослепив. Голос ведущего — какого-то многорукого уродца — зазвучал где-то рядом, расхваливая «товар». Я зажмурилась, пытаюсь отгородиться от этого кошмара, чувствуя, как по моей коже ползают десятки похотливых взглядов. И тогда я почувствовала его. Не взгляд. Внимание. Тяжелое, сконцентрированное. Оно исходило откуда-то справа. Оно было лишено животной похоти. Оно было изучающим. Голодным, но иным. Я невольно открыла глаза и повернула голову, заставив себя сквозь слезы от софитов взглянуть в ту сторону.

У огромного витража, за которым клубились туманности, стояли двое. Они были похожи, но также и радикально отличались от всех в этом зале. Не ростом — здесь были и повыше, — а скорее... ощущением мощи. Сдержанной, как ураган в узде. Тот, что был ближе, казался воплощением дикой, необузданной силы. Широкие плечи, мощные руки, скрещенные на груди. Его лицо было бы красивым, не будь на нем выражения скупающей ярости. И по его коже — темной, с медным отливом — пульсировали и переливались сложные светящиеся узоры. Сейчас они горели низким, тревожным синим светом. Его глаза, цвета расплавленного золота, были прикованы ко мне. Второй стоял чуть поодаль, прислонившись к витражу. Он был чуть стройнее, но в его позе читалась не слабость, а скорее усталая напряженность хищника, готового к прыжку. Его черты были тоньше, аристократичнее, но в них была та же сила, что и у первого. Его светящиеся узоры были сложнее, тоньше, и пульсировали они ровным, холодным серебром. Его взгляд был не таким яростным. Он был пронизывающим, аналитическим. Он словно видел не только мое тело, но и все, что под ним, и все, что было внутри. И в его глазах, таких же золотых, я прочитала не похоть, а... надежду? Нет, скорее, признание. Но самое странное было не в них по отдельности. А в том, что было между ними. Я чувствовала это даже на расстоянии. Невидимую нить, как струна, соединяющую их. Энергию, которая циркулировала от одного к другому, создавая единое, мощное поле. Они были двумя полюсами одного целого. Бурей и тишиной. Огнем и льдом. И эта их двойственность, это единство притягивало и пугало одновременно.

Их внимание было приковано ко мне. Только ко мне. Они не смотрели на других девушек. Их голод был иным. Они искали не тело. Они искали... ответ. И почему-то, сквозь весь ужас происходящего, мне показалось, что этот ответ есть во мне.

Ведущий назвал стартовую цену. В зале поднялся лес конечностей. Цены росли. А они не двигались. Они просто смотрели. И я смотрела на них, замороженная, чувствуя, как тот ледяной комок внутри меня начинает таять под их взглядами, сменяясь странным, щемящим предчувствием. И тогда тот, что был у витража, тот, что был тишиной и льдом, сделал шаг вперед. Его голос, низкий и властный, разрезал гул зала, как нож.

- Миллион.

В зале на секунду воцарилась мертвая тишина. Все взгляды устремились на него. Я почувствовала, как сжалось сердце. Он сказал это не с триумфом, не с похотливым торжеством. Он сказал это как констатацию факта. Начался торг. Кто-то пробулькал что-то, предлагая больше. Незнакомец парировал, не повышая голоса.

- Два миллиона. И это не обсуждается.

Его слова повисли в воздухе. Больше попыток не последовало. Молоток грохнул. Он купил меня.

Тот, второй, дикий и яростный, двинулся с места. Он шел через зал, и толпа расступалась перед ним. Его узоры теперь светились ровным, уверенным золотом. Он подошел ко мне, набросил на мои плечи свой плащ — ткань пахла озоном и чем-то древесным — и взял меня за руку. Его прикосновение обожгло, как удар тока. Но это была не боль. Вспышка. Озарение.

И пока он вел меня прочь из этого ада, а его брат — да, я уже знала, что это его брат — провожал нас своим ледяным взглядом. Я приобрела хозяев. Или союзников. Пока было неясно.

Глава 8

Зориан

Я ненавижу аукционы. Ненавижу этот затхлый запах похоти, алчности и отчаяния, который витал в зале. Ненавижу то, как на этих несчастных смотрят, как оценивают их плоть, словно куски мяса на рынке. Но больше всего я ненавижу надежду, которую Аргон заставлял меня чувствовать каждый раз. Надежду, которая каждый раз разбивалась о жестокую реальность.

И вот она снова. Сначала — лишь смутное ощущение в нашей общей связи, легкое смещение в океане чужих мыслей. Потом — взрыв. Чистый, нефильтранный ужас, смешанный с жгучим стыдом и... чем-то еще. Чем-то таким ярким и живым, что перехватило дыхание. Я увидел, как Аргон вздрогнул, как его татуировки вспыхнули ослепительным белым. И тогда я и сам ее увидел.

Рыжие волосы, похожие на вспышку пламени в этом унылом месте. Хрупкое, бледное тело, пытающееся стать невидимкой. И глаза. О, Боги Лариана, ее глаза! Зеленые, как молодая листва после дождя, полные такого животного страха, что сердце сжалось. Но не только. Где-то в самой глубине, за этой паникой, тлела искра. Упрямая, не погасшая искра.

Когда Аргон назвал цену, я почувствовал, как наша связь, обычно хаотичная и болезненная, на мгновение затихла. Выровнялась. Словно кто-то натянул струну, и она зазвучала чистым, ясным звуком. Это была она. Третья. Наша Третья.

Мне поручили забрать ее. Аргон, всегда благоразумный, всегда осторожный, боялся напугать ее. Но я... я не мог ждать. Каждый шаг по проходу отзывался в моей крови нетерпением. Я видел, как она смотрела на меня — испуганно, но без отвращения. С любопытством. Я набросил на нее свой плащ, и мои пальцы на мгновение коснулись ее обнаженного плеча. Искра. Нет, не искра — удар молнии.

От прикосновения по моей коже пробежал мурашки. Мои татуировки, обычно горящие тревожным синим, вспыхнули ярким, почти алым светом. В голову ударила волна — не мыслей, а чистых ощущений. Голод. Холод. Стыд. И дикое, животное, непрощенное возбуждение, исходящее из самых глубин ее измененного тела. Это было так интенсивно, так интимно, что я едва не застонал.

Я повел ее, чувствуя, как ее маленькая, дрожащая рука лежит в моей. Как ее страх смешивается с чем-то другим — с облегчением? С любопытством? Я чувствовал все. Каждый ее вздох, каждый стук ее сердца отзывался во мне. Это было одновременно и пыткой, и блаженством. Такого мы с Аргоном не чувствовали никогда. Наша связь была мощной, но она была как гроза — разрушительная и слепая.

Я довел ее до наших апартаментов на станции. Аргон должен был присоединиться позже, закончив формальности. Дверь закрылась, оставив нас одних в тихой, залитой мягким светом комнате. Она замерла посреди, кутаясь в мой плащ, ее глаза бегали по округлым стенам, по окну, за которым сияли звезды. Она была похожа на дикого зверька, попавшего в клетку. Прекрасного и абсолютно беспомощного.

- Тебе нечего бояться, — сказал я. — Мы не причиним тебе вреда.

Она посмотрела на меня, и я снова ощутил ее страх, острый и колючий. «Все они так говорят», — промелькнуло в ее голове, и я поймал эту мысль, словно она была моей собственной.

- Мы не «они», — возразил я тихо, подходя ближе. — Мы не Дреи.

Ее глаза расширились.

- Вы... вы читаете мои мысли?

- Слышим, — поправил я. — Чувствуем. Ты для нас... как громкий крик в тихой комнате. Мы не можем не слышать.

Я был близко к ней теперь. Я чувствовал тепло ее тела сквозь ткань плаща, слышал учащенный стук ее сердца. Пахла она страхом, потом и чем-то цветочным, чужим, что нанесли на нее Дреи. Но под всем этим был ее собственный запах — чистый, как горный воздух. Моя рука сама потянулась к ней, чтобы успокоить, но она инстинктивно отпрянула. В ее голове пронеслась вспышка — воспоминание о прикосновениях Дреев, холодных и безжизненных. И гнев. Острый, как лезвие.

Я убрал руку.

- Я не причиню тебе боли.

- А что вы мне причините? — ее голос дрожал. — Для чего вы меня купили? Вы ведь купили. Я ваш товар.

Ее слова обожгли меня. Не потому, что они были обидными, а потому, что они были правдой. Так оно и выглядело.

- Мы купили тебе свободу, — сказал я. — Свободу от них. А купили мы тебя потому, что ты не такая, как все. Ты... особенная.

Я медленно, давая ей время отпрянуть, протянул руку и коснулся ее щеки. Кончиками пальцев. Кожа под моим прикосновением была невероятно мягкой и обжигающе горячей. И снова — удар. Волна. Но на этот раз это было не просто ее ощущение. Это было наше. Ее страх смешался с моим нетерпением. Ее настороженность — с моим желанием. Ее одинокая, израненная душа потянулась к нашей связи, к нашей двойной силе, ища в ней спасения. А наша связь, в свою очередь, обвила ее, коснулась ее самого ядра, ища точку опоры. Она ахнула, и ее глаза наполнились слезами. Не от страха. От переизбытка. От того, что она впервые в своей жизни чувствовала не себя одну, а нас. Двух. Целый океан, в который она нырнула.

- Что... что это? — прошептала она.

- Это мы, — ответил я, и мои татуировки замерли, застыв в сложном узоре, светясь ровным, теплым золотом. — И это ты с нами.

Я наклонился и прикоснулся губами к ее губам. Это был не грубый, захватнический поцелуй. Это было прикосновение. Исследование. Заключение договора. Ее губы были мягкими и неподвижными сначала. Потом они дрогнули. И ответили. Сначала неуверенно, потом — с нарастающей жадностью. Она цеплялась за меня, как тонущий за соломинку, впиваясь в мой поцелуй, в мою силу, пытаясь утолить ту жажду, что в нее вложили.

Я обнял ее, чувствуя, как хрупкое тело прижимается к моей груди. Плащ упал на пол. Она была обнажена под ним, покрытая лишь теми дурацкими блестками и светящимися узорами, что нанесли ей Дреи. Но сейчас они выглядели не как клеймо, а как украшение. Часть ее новой, дикой красоты.

Мои руки скользнули по ее спине, чувствуя каждый позвонок, каждую дрожь, пробегающую по ее коже. Она застонала мне в рот, и этот звук, тихий и надломленный, ударил прямо в мое сердце, заставив кровь пульсировать в висках. Я чувствовал, как Аргон на другом конце станции замер, ощутив всплеск. Его удивление, его ревность, его жгучее любопытство слились с моим собственным желанием, умножая его втрое. Это было невыносимо и восхитительно.

Я опустил ее на мягкий диван, не прерывая поцелуя. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых теперь плескалась не паника, а ошеломление, любопытство и пробуждающаяся страсть. Та самая страсть, что в нее вложили, но теперь она была направлена на меня. И была настоящей.

- Не бойся, — прошептал я снова, проводя рукой по ее бедру, чувствуя, как она вздрагивает. — Мы покажем тебе, что такое настоящая близость.

И я показал.

Глава 9

Аргон

Формальности были окончены. Документы подписаны, кристаллы сириумия переведены. Я стоял перед дверью в наши апартаменты, и мои руки дрожали. Не от страха. От предвкушения. От той бури ощущений, что доносилась до меня через связь с Зорианом. Это было сродни тому, как стоять у дверей концертного зала, зная, что внутри играет симфония, написанная специально для тебя, но боясь войти и нарушить волшебство.

Я слышал ее. Ее страх, растворяющийся в волнах нарастающего удовольствия. Ее удивление, смешанное с доверием. Ее тихие, прерывистые стоны, которые Зориан вырывал из ее губ поцелуями и ласками. Я чувствовал каждое прикосновение его рук к ее коже, как будто это были мои собственные пальцы. Чувствовал, как ее тело откликается — горячее, податливое, невероятно отзывчивое.

Ревность? Была. Острая, как нож. Он был там, с ней, а я — здесь, с кипами никчемных бумаг. Но ревность тонула в море чего-то большего. В облегчении. В надежде. В жгучем, всепоглощающем желании присоединиться к ним. Я распахнул дверь.

Картина, открывшаяся мне, выбила дыхание. Они были на широком диване, залитые мягким светом имитации камина. Зориан, мой дикий, необузданный брат, был наклонен над ней, его мощная спина напряжена, светящиеся узоры на ней пульсировали ровным, страстным золотом. Его руки поддерживали ее, а губы были прижаты к ее шее. А она была прекрасна. Ее рыжие волосы растрепались по шелковой подушке, образуя огненный ореол. Ее глаза были закрыты, длинные ресницы отбрасывали тени на щеки, покрытые румянцем. Губы приоткрыты в нежном стоне. Изящное тело, выгибалось навстречу ласкам Зориана, а ее пальцы впились в его плечи, то отталкивая, то притягивая к себе. Мерцающие узоры, нанесенные Дреями, переливались в свете огня, делая ее похожей на древнюю богиню, явившуюся нам в момент своего пробуждения.

Они не заметили меня сразу. Они были слишком поглощены друг другом. Зориан скользнул губами ниже, к ее груди, и она вскрикнула — тихо, надрывно, и этот звук пронзил меня, как стрела, заставляя кровь бешено стучать в висках. Я сделал шаг вперед. Пол под ногами был холодным, но внутри меня пылал пожар.

Зориан наконец поднял голову. Его глаза, обычно полные дерзости, сейчас были темными, почти черными от желания. Он увидел меня, и на его лице появилась торжествующая, немного дикая улыбка.

Она почувствовала мое присутствие — ее глаза открылись. Испуг мелькнул в их зеленой глубине, но тут же был смыт новой волной ощущений, которую вызвал в ней Зориан, снова коснувшись ее в самом чувствительном месте. Она застонала, и ее взгляд потемнел, наполнившись не страхом, а вопросом.

Я подошел к дивану и опустился на колени рядом. Я видел каждую родинку на ее коже, каждую каплю пота на ее висках. Чувствовал исходящее от нее тепло и слышал бешеный стук ее сердца. Она смотрела на меня, замороженная, и я видел, как в ее душе борются последние остатки стыда и новая, всепоглощающая потребность.

- Не бойся, — сказал я, и мой голос прозвучал низко и, как мне показалось, неузнаваемо даже для меня самого. — Мы не причиним тебе боли. Мы дадим тебе то, чего ты жаждешь.

Моя рука сама потянулась к ее щеке. Я боялся, что мое прикосновение будет слишком холодным, слишком чужим после жарких ласк Зориана. Но едва мои пальцы коснулись ее кожи, она вздрогнула — но не отпрянула. Ее глаза закрылись, и по ее телу пробежала долгая, сладостная дрожь.

И тогда я почувствовал это в полную силу. Не обрывки, не эхо, а полный, ничем не ограниченный доступ. Ее сознание распахнулось передо мной, как цветок. Я чувствовал все. Ошеломление от новой реальности. Остаточную боль от модификаций. И любопытство. Жгучее, непреодолимое любопытство ко мне.

Я наклонился и прикоснулся губами к ее губам. Это был не поцелуй страсти. Это был поцелуй познания. Исследования. Я чувствовал вкус ее страха, вкус ее желания. И это было пьяняще. Наша связь, наконец-то замкнувшаяся, усиливала каждое ощущение в десятки раз. Это было уже не просто физическое удовольствие. Это было слияние. Полное и абсолютное.

Я оторвался от ее губ и переместил свои поцелуи на ее шею, на ключицы, на грудь. Ее кожа была соленой на вкус, горячей, живой. Она пахла страхом, потом, и чем-то неуловимо своим, чистым, что пробивалось сквозь всю эту искусственную мишуру. Ее тело, ее разум откликались с такой силой, что, казалось, вот-вот разорвутся от переизбытка. Ее стоны стали громче, отчаяннее. Ее тело затряслось в оргазме. Это была не одна волна, а целая серия, каждая сильнее предыдущей. Она закричала — тихо, сдавленно, и в ее крике было столько освобождения, что у меня самого перехватило дыхание.

Я прижал ее к себе, ощущая, как ее сердце колотится о мою грудь. Мы лежали, наконец-то нашедшие друг друга в этом хаотичном мире.

На ее шее, рядом с металлическим ошейником, проступили первые, слабые светящиеся узоры. Бледно-золотые, они повторяли мои и Зориана. Знак. Печать. Но не собственности. А принадлежности. Ее крик затих, перейдя в прерывистые, влажные всхлипы. Все ее тело обмякло, погруженное в блаженную истому, но внутри, в самой глубине, все еще пульсировало остаточное напряжение. Она была как струна, которую отпустили, но которая все еще вибрировала, жаждущая нового прикосновения.

Глаза брата, темные от страсти, встретились с моими. В них читалось то же, что чувствовал я — благоговейный трепет и ненасытная жажда. Мы не просто ласкали женщину. Мы прикасались к живому чуду, к той самой тишине, что способна усмирить бурю в наших душах.

- Я не могу больше ждать, - хрипло произнес брат.

- Осторожно, — мысленно предостерег я его, но и сам чувствовал, как контроль ускользает. Ее желание, смешанное с нашим, создавало вихрь, затягивающий нас всех.

Зориан двинулся, меняя положение. Она вздрогнула от прикосновения, и ее глаза снова открылись, широкие, испуганные и полные ожидания. Я лежал сбоку, прижимаясь к ней всем телом, одна рука под ее головой, другая лежала на ее животе, чувствуя, как под ней напрягаются мышцы. Я прижался губами к ее уху.

- Дыши, Полина, — прошептал я, и мое дыхание смешалось с ее. — Это часть нас. Это часть тебя теперь.

Я закрыл глаза, полностью погрузившись в связь. Я чувствовал ее напряжение, ее готовность, ее крошечный, затаенный страх. Зориан наклонился, оперся на руки, и я почувствовал, как его напряжение передается ей. Она вскрикнула — коротко, резко. Не от боли. Это был крик от неожиданности, от ощущения вторжения, от заполнения той пустоты, что в ней оставили. Ее пальцы впились мне в руку. Я прижался к ней сильнее, мысленно успокаивая.

Зориан замер. Его лицо было искажено гримасой невероятного усилия — сдержаться, не двигаться, дать ей привыкнуть. И тогда я почувствовал, как ее тело, наученное Дреями, начало адаптироваться. Напряжение сменилось робким удовольствием. Она пошевелила бедрами, пытаясь приноровиться к его размеру, и тихо простонала.

Этот звук стал для Зориана сигналом. Он начал двигаться. С каждым движением ее стоны становились громче, увереннее, ее тело начинало отвечать ему, встречать его движения.

Глава 10

Зориан

Я чувствовал ее сердцебиение — учащенное, но уже успокаивающееся. Слышал ровное, глубокое дыхание брата. И нашу общую связь, которая теперь не бушевала, а тихо шумела, как отзвук великого аккорда, затихающий в бескрайних залах сознания, где прежде царил лишь вой одинокого ветра. Этот новый звук был похож на шелест листвы в древнем лесу, на отдавленный гул морской раковины, прижатой к уху, — голос самого мироздания, найденный нами вновь.

Я был пуст и удовлетворен одновременно. Моя плоть, еще несколько минут назад бывшая источником неистовой, почти болезненной напряженности, теперь была расслаблена и тяжела, как свинцовый слиток, утопающий в мягком дне океана покоя. Каждая клеточка, каждый нерв, прежде взвинченные до предела, теперь исторгли из себя всю ярость и трепет, оставив лишь густое, теплое послесвечение. Но где-то в глубине, под слоем усталости, уже шевелилось новое желание. Не такое яростное, но не менее настойчивое, подобное первому движению ростка, пробивающегося сквозь толщу почвы после долгой зимы. Я чувствовал его не только в себе. И, к моему удивлению и восторгу, я чувствовал его в ней. Она пошевелилась, ее ягодички, упругие и гладкие, коснулись моего бедра, и по моей коже пробежали мурашки, словно от прикосновения статического электричества, заряженного самой жизнью. Ее рука, лежащая на моей, сжала мои пальцы, и в этом простом жесте было больше доверия и принадлежности, чем во всех предыдущих страстных объятиях.

Я ощутил, как брат вздрогнул. Его дыхание, ровное секунду назад, сбилось, став прерывистым и поверхностным. Он боялся. Боялся напугать ее, сделать что-то не так, разрушить хрупкое равновесие, что установилось между нами, этот идеальный, звенящий треугольник доверия и страсти. Его страх был острым, металлическим привкусом на языке нашей связи, но под ним пульсировала такая мощная, сдерживаемая веками волна жажды, что у меня перехватило дыхание.

Это желание было иным, чем то, что она испытывала ко мне. Оно было не таким яростным, не таким отчаянным. Оно было полным трепетного ожидания, почти благоговейным. Она видела его сдержанность, его осторожность, и ее тянуло к этой скрытой силе, как мотылька к пламени, которое сулит не гибель, а новую, ослепительную форму бытия. В ее энергии я читал любопытство и желание распутать этот сложный узел аристократической холодности, за которой скрывался океан нерастроченной нежности.

Аргон медленно приподнялся на локте, его тень, длинная и ломаная, упала на нас с Полиной, на мгновение поглотив слабый свет, лившийся из окна. Его светящиеся узоры, те самые загадочные символы, что были выжжены на его коже самой судьбой, сейчас мерцали тревожно и неровно, выдавая его внутреннюю бурю, борьбу между долгом и желанием, между страхом и влечением. Он смотрел на нее, и в его взгляде, обычно таком непроницаемом, была такая нежность, такая беззащитная преданность, что у меня сжалось сердце от щемящей боли за него. В ответ она лишь потянулась к нему, ее пальцы, тонкие и уверенные, коснулись его щеки, провели по линии скулы, по контуру его уха. Это был жест такой интимной нежности, такого глубокого понимания, что я почувствовал легкий укол той самой ревности, старого и глупого спутника, но она тут же растворилась в волне общего чувства, смытая приливом чего-то большего, чем мы трое по отдельности.

Брат наклонился и поцеловал ее. Это был не тот жадный, поглощающий поцелуй, что был у меня, где губы и языки вели яростную битву за господство. Его поцелуй был медленным, бесконечно нежным, почти робким. Он исследовал ее губы, ее дыхание, ее душу через этот миг соприкосновения, словно пытаясь прочесть в них свою судьбу. И она отвечала ему с

той же нежностью, открываясь ему, приглашая его в себя, позволяя ему вести этот тихий, немой диалог двух одиноких сердец, нашедших друг друга.
Мое собственное желание, дремлющее под слоем умиротворения, снова разгорелось с новой силой, вспыхнув, как сухая трава от брошенной спички. Я прижался к ней, проводя руками по ее бокам, чувствуя, как под ее кожей вздрагивают мышцы, отзываясь на мои прикосновения и на поцелуй брата. Прильнул губами к ее плечу, кусая и целуя ее соленую кожу, впитывая ее запах — смесь пота, страсти и чего-то неуловимого, чисто ее.

Аргон оторвался от ее губ, его дыхание было прерывистым, грудь вздымалась быстро и неравномерно. Его руки дрожали, когда он переводил ее в положение на бок, чтобы быть с ней лицом к лицу, и в этом движении была какая-то древняя, почти ритуальная осторожность. Я прижимался к ней сзади, становясь ее опорой, ее тылом. Она протестующе застонала, когда я прикусил ее плечо, но ее тело выгибалось, ища большего контакта, большего трения, большего всего. Аргон смотрел на нее, и в его глазах, темных и бездонных, горел тот самый огонь, что обычно он прятал за маской холодности, огонь всепоглощающей, дикой страсти, готовой вырваться на свободу.

· Я не хочу причинить тебе боль, — прошептал он, и его голос был хриплым от сдерживаемых эмоций. Его рука, большая и сильная, скользнула между ее ног.

Он вошел в нее. Медленно. Невероятно медленно, давая ей привыкнуть к каждому миллиметру, к каждому новому ощущению, к растяжению и наполнению. Ее тихий, прерывистый вздох, смешанный с легким стоном облегчения и предвкушения, смешался с его сдавленным стоном, звуком человека, который вошел в рай, но боится, что тот исчезнет. И тогда началось нечто совершенно новое. Мои руки скользили по ее телу, лаская ее грудь, ее живот, ее бедра, очерчивая ее формы, запоминая каждую кривую, каждую впадину. Мои губы находили ее шею, ее плечи, основание ее черепа, оставляя на коже следы своих поцелуев.

Наша связь, этот мистический канал между нами, работала на полную мощность, вибрируя от переполнявших ее чувств. Я чувствовал ее наслаждение — острое, жгучее, усиленное новизной и трепетом перед Аргоном. И мое собственное наслаждение умножалось, отражаясь, создавая петлю обратной связи бесконечного экстаза, замкнутый круг блаженства, из которого не было выхода и не хотелось. Она была мостом между нами. Проводником. Усилителем. Ее тело, ее душа, ее открытость смешивала наши разнородные энергии и возвращала нам их, очищенными и умноженными в десятки раз, создавая единое целое из троих.

Аргон уже не сдерживался. Его движения, сначала размеренные и осторожные, стали резче, увереннее, его дыхание — хриплым, как у загнанного зверя. Он смотрел ей в глаза, и я видел, как он теряет себя, как его рассудок тонет в океане ощущений, как рушится последняя стена его самоконтроля. Его светящиеся узоры полыхали ослепительным белым светом, заливая все вокруг фантазмагорическим сиянием. Он был на грани, его тело напряглось, как тетива лука.

Я обнял Полину крепче, прижимаясь к ней всем телом, чувствуя, как ее тело начинает содрогаться в преддверии нового пика, как внутри нее все сжимается и вибрирует, готовое взорваться.

- Вместе, — прошептал я ей в ухо, кусая мочку, вкладывая в это слово весь свой восторг и все свое повеление. — Мы придем вместе.

Ее крик был оглушительным в тишине комнаты, не просто звуком, а вибрацией, сотрясающей воздух. Ее тело взорвалось в оргазме, таком мощном, что затряслась не только она, но и мы с Аргоном, как от подземного толчка. Ее внутренние мышцы сжали Аргона с такой силой, что он издал рык, больше похожий на стон торжества и гибели одновременно, и его тело затряслось в финальных, неконтролируемых толчках, отдавая ей всю свою накопленную за годы одиночества страсть.

И я, видя, как свет на их телах вспыхивает и гаснет, наблюдая за этой кульминацией, чувствуя отголоски ее спазмов и его извержения через нашу связь, не сдержался. Волна моего собственного наслаждения накрыла меня, горячая и безраздельная, смывая последние остатки мысли. Я прижался к ней, впиваясь пальцами в ее бедра, и кончил, завершая наш общий ритуал, ставя последнюю точку в этом акте единения.

Мы рухнули. Воздух в комнате был густым и тяжелым, насыщенным запахом секса, соли и чего-то электрического. Тела — липкими и уставшими, обмякшими в полном изнеможении. В ушах стоял звон, отголосок пережитого пика. Первой заговорила она. Слабый, счастливый смешок, пробивающийся сквозь тяжелое дыхание.

· Я... я все еще жива.

Аргон рассмеялся — низко, глухо, по-настоящему. Звук, который я слышал нечасто, звук абсолютной, безоговорочной радости, идущий из самой глубины его существа.

· Это только начало, Полина, — прошептал он, целуя ее в макушку, вкладывая в эти слова обещание целой вечности. — Только начало.

Впервые за долгие годы, за долгие столетия мучительного раздора и непонимания, наша связь не гудела болью и хаосом. Она была полной, цельной, исцеленной, наполненной тихим, мощным гудением завершенности. Мы нашли ее. Нашу Третью. Тот самый недостающий элемент, который превратил нашу дисгармонию в совершенную симфонию. И теперь ничто не могло нас разлучить.

Глава 11

Полина

Воздух был густым и тяжелым от запаха нас троих — кожи, пота, секса и чего-то еще, неуловимого, что пахло озоном и мощью. Подо мной — мягкая ткань дивана. За моей спиной — твердая, теплая грудь Зориана, его ровное, глубокое дыхание щекотало мою шею. Передо мной — Аргон, его лицо, строгое и замкнутое, сейчас было безмятежным в дремоте, его светящиеся узоры пульсировали медленным, умиротворенным ритмом. Его рука лежала на моем бедре, владение и защита в одном жесте. Я должна была чувствовать себя опустошенной. Исползованной. Два могущественных незнакомца, которые купили меня, как вещь, только что обладали мной с такой интенсивностью, что границы моего «я» должны были разлететься на куски. Но я не чувствовала ничего подобного. Я чувствовала целостность. И это пугало больше всего. Пугало, потому что рушило все прежние представления о себе, о насилии и согласии, о том, где заканчивается жертва и начинается воин, принявший свои новые, данные когти и ставший опаснее любого хищника в этом бархатном аду. Это была тишина моего нового рождения, оглушительная в своей полноте, и я слышала в ней лишь биение трех сердец, сплетенных в один причудливый, мощный ритм, обещавший и разрушение, и созидание.

Слова Аргона эхом отдавались в моих воспоминаниях: «Ты не такая, как все. Ты особенная.» Раньше они звучали бы как пустая лесть. Теперь я понимала их значение. Это был не комплимент, а диагноз, констатация факта, подобная признанию остроты лезвия. И в этом признании заключалась моя сила. Они искали ключ к своему выживанию и нашли его во мне.

Дреи не сломали меня. Они заточили. Как оружие. Они выжгли из меня всю слабость, весь страх, оставив лишь голые инстинкты и невероятную, животную чувствительность. Они превратили меня в идеальный инструмент для удовольствия. Но они не учли одного. Они не учли меня. Ту самую «искру», что они увидели на аукционе. Мой гнев. Мое упрямство. Мое желание выжить. И когда Зориан прикоснулся ко мне впервые, а затем Аргон... это не было насилием. Это было признанием. Они не видели во мне просто тело. Они видели ту самую искру. И их собственная мощь, их дикая, необузданная связь не подавила ее. Они разожгли ее. Превратили из одинокого уголька в настоящее пламя. Это был новый вид алхимии, где наша троица сплавилась в нечто большее. Их сила прошла через меня, как электрический ток, но вместо того, чтобы испепелить, она заряжала, давая мне доступ к самым потаенным уголкам их сущности, к тем тайнам, которые они и сами от себя скрывали.

Я помнила каждый момент. Стыдное, предательское возбуждение от их прикосновений. Ужас от осознания, что мое тело откликается на них с такой готовностью. А затем... прорыв. Момент, когда я перестала бороться и позволила этой волне накрыть себя с головой. Не потому, что сдалась. Потому, что поняла. Это была моя сила. Не их. Мое тело, измененное и оскверненное, стало моим оружием. Через него я могла чувствовать их. Читать их. Понимать их. Через мысли я получила доступ к их душам. Я чувствовала боль Аргона, его вечный, изматывающий контроль. Я чувствовала яростную, дикую жажду жизни Зориана, его страх потерять брата. Их связь, такую мощную и такую хрупкую. И они нуждались во мне. Не как в инкубаторе. А как в якоре. В том, кто усмирит бурю внутри них. Вот почему я откликнулась. Вот почему я позволила им все. Это был не акт отчаяния. Это был стратегический союз. Мой единственный шанс выжить в этом новом, ужасающем мире. Каждое их прикосновение было страницей в учебнике по их владению, каждый стон — признанием в уязвимости, которую они мне открыли.

Я пошевелилась, и оба брата инстинктивно притянули меня ближе, даже во сне. Защищая. Признавая своей. Уголки моих губ дрогнули в подобии улыбки. Они думали, что купили себе игрушку. Куклу для утешения. Они купили себе союзника. Я потрогала свой ошейник, холодный металл, упирающийся в горло. Знак собственности. Но сейчас он не казался мне

цепью. Он был печатью нашего договора, внешним атрибутом, за которым скрывалась новая, невероятная реальность, где я была уже не рабой, а ключевым элементом, без которого их хрупкое равновесие было бы разрушено. Металл все еще был холоден, но под ним уже пылала моя кожа, а в груди билось сердце не добычи, а равноправного хищника, принявшего правила стаи.

Я закрыла глаза, снова погружаясь в нашу общую связь. Теперь она не была хаотичной. Она была гармоничной. Мощный, ровный гул силы двух братьев и мой собственный, новый, звонкий отклик. Я могла чувствовать их сны. Сон Аргона был полон тихих, упорядоченных образов. Сон Зориана — быстрых, ярких вспышек. И я могла влиять на них. Легким, почти невесомым прикосновением мысли я смягчила тревожный образ в сне Аргона. Я добавила каплю спокойствия в буйный сон Зориана. Они вздохнули глубже, их тела расслабились еще больше. Они верили, что нашли ту, кто дополнит их. И они не ошиблись. Я прижалась к Аргону, чувствуя его тепло, и к Зориану, чувствуя его силу. Мои союзники. Моя собственность. И впервые с момента похищения я чувствовала не страх и не отчаяние. Я чувствовала покой. И это было прекрасно.

Глава 12

Аргон

Из окна наблюдательной палубы планета казалась огромным, переливчатым опалом. Сияющие города, оплетенные светящимися транспортными артериями, зеленые массивы заповедных лесов и бескрайние серебряные океаны. Для любого другого это зрелище вызвало бы восхищение. Для меня же оно всегда было связано с гнетущим чувством долга, с давящим ожиданием Совета, с вечным вопросом в глазах каждого встречного: «Нашел?»

Я чувствовал, как по моим светящимся узорам пробегают тревожные, едва заметные всполохи. Я старался дышать ровнее, глубже, пытаюсь заглушить привычный гул нашей с Зорианом связи, всегда усиливавшийся на родной планете. Но сегодня к нему добавился новый, незнакомый отзвук. Тихий, как эхо, трепет. Восхищение, смешанное со страхом. Я обернулся. Полина стояла у самого большого иллюминатора, вцепившись пальцами в поручень. Ее глаза были широко раскрыты, а рыжие волосы, казалось, впитывали отблески сияющей планеты, становясь еще ярче.

- Это... твой дом? — ее голос прозвучал почти шепотом, полным благоговения.

- Один из них, — ответил я, подходя ближе. — Наш корабль — тоже дом.

Она кивнула, не отрывая взгляда от величественного зрелища. Я чувствовал ее эмоции — чистый, незамутненный восторг, который постепенно сменялся робостью. Она понимала, куда мы прибыли. Понимала, что ее ждет здесь.

- Не бойся, — сказал я, кладя руку ей на плечо. Ее кожа была прохладной и слегка дрожала под моим прикосновением. — Совет будет соблюдать формальности. Они будут изучать тебя. Но ты под нашей защитой.

Она повернулась ко мне, и в ее зеленых глазах я увидел не детский страх, а взрослую, трезвую озабоченность.

- А они...они будут против? Что вы... что мы не по правилам?

Я усмехнулся, но в голосе моем не было веселья.

- Правила для таких, как мы, пишутся по ходу действия. Ты — единственная в своем роде. Это перечеркивает все старые устои.

В этот момент на палубу ворвался Зориан.

- Готовься к скучнейшей части, красавица, — он нежно хлопнул Полину по спине. — Сейчас нас засыпят тоннами вопросов, будут водить по лабораториям... Брр. Поскорее бы это закончилось.

Брат был возбужден. Возвращение домой, возможность похвастаться своей добычей, своей победой — все это заставляло его кровь бежать быстрее. Он не чувствовал под собой той зыбкой почвы, на которой мы оказались. Корабль мягко вошел в доки столицы. Свист сжатого воздуха, щелчки магнитных замков. Сердце заколотилось чаще. Момент истины.

Шлюз открылся, и мы вышли на освещенную перламутровым светом пристань. Воздух Лариана был прохладным и имел знакомый металлический привкус. Нас ждала не официальная делегация Совета. Ждала она. Айрис.

Она стояла в стороне от протокольной группы инженеров и техников, опершись о поручень с показной небрежностью. Ее длинное платье цвета ночного неба подчеркивало идеальные формы, а сложные узоры на ее коже светились ровным, уверенным фиолетовым светом. Ее глаза, такого же глубокого аметистового оттенка, скользнули по мне, по Зориану, и остановились на Полине. В них не было ни капли любопытства. Лишь холодная, безразличная оценка, словно она смотрела на новый, не слишком интересный предмет интерьера.

- Аргон. Зориан, — ее голос был низким, бархатным и до боли знакомым. — Совет заседает. Они передали, что примут вас завтра. Я предложила проводить вас во внутренние покои. Восстановить силы после путешествия.

Ее взгляд снова вернулся к Полине, и на ее губах появилась легкая, почти незаметная улыбка, не достигавшая глаз.

- И представить вашу...находку... соответствующим условиям.

Зориан фыркнул, но я почувствовал, как его интерес тут же оживился при виде Айрис. Старая привычка. Старая игра.

- Скучала, Айрис? — бросил он ей с намеком, который невозможно было не понять.

- По некоторым вещам — несомненно, — она парировала, наконец оторвавшись от Полины и подойдя к нам. Ее движения были плавными, как у хищницы. — А это кто?

Я шагнул вперед, на мгновение оказавшись между Айрис и дрожащей от напряжения Полиной. Воздух сгустился, заряженный немой конфронтацией. Я знал этот взгляд — взгляд хищницы, высматривающей слабость в своей добыче. Но сейчас я не был готов позволить ей развлекаться.

- Это Полина, — мой голос прозвучал тверже, чем я ожидал. — И она находится под нашей опекой. Лично моей.

Айрис медленно перевела на меня свой аметистовый взор, и в ее глазах мелькнула искорка интереса. Видимо, мой тон ее удивил. Она привыкла к моей сдержанности, к вечному внутреннему конфликту, но сейчас во мне говорило нечто иное — решимость, выкованная вдали от дома, среди чужих звезд.

- Не волнуйся, Аргон, — ее бархатный голос стал еще тише и опаснее. — Мы окружим ее... заботой. У Совета есть особые апартаменты для таких уникальных гостей. Полная изоляция, конечно, но все для ее же безопасности и спокойствия. И для нашего.

Полина инстинктивно прижалась ко мне, и я почувствовал, как по нашей едва зародившейся связи пробежала волна чистого, животного страха. Она понимала — эти «апартаменты» были клеткой. Зориан, наконец, оторвался от созерцания игры страстей и хмуро посмотрел на Айрис.

- Эй, полегче, — буркнул он. — Мы только что вернулись. Дайте ей освоиться.

Но Айрис уже отвернулась, делая легкий жест рукой. Из перламутровых теней за колоннами вышли две высокие, молчаливые фигуры в одеждах стражи. Все было решено еще до нашего прибытия. На кону была не просто судьба одной девушки, а хрупкое равновесие всей нашей цивилизации, стоявшей на краю пропасти.

Глава 13

Полина

Роскошь дворца была иного порядка, чем на корабле братьев. Там все было функционально, подчинено четкой логике и силе. Здесь же... здесь каждый сантиметр пространства кричал о богатстве, власти и вековых традициях. Стены были не просто стенами – они были живые, переливающиеся перламутром и драгоценными вкраплениями, источавшие тонкий, дурманивший аромат. Пол под ногами был упругим и теплым, словно я шла по коже какого-то гигантского, спящего существа. Но вся эта красота давила. Давила своим совершенством, своей чужеродностью. И больше всего давила она – Айрис.

Я шла сзади, наблюдая, как ее гибкая спина в платье-футляре цвета ночи не колыхнется при ходьбе, а словно парит над полом. Как Зориан, забыв о моем существовании, что-то оживленно рассказывает ей на ухо, и она издает томный, низкий смешок, бросая на него искоса взгляд из-под длинных ресниц. Она была идеальна. Совершенна, как отполированный алмаз. И от этого мне хотелось сжаться в комок, стать незаметной, спрятать свои слишком обычные руки, свою бледную кожу, покрытую веснушками, которые здесь, среди всеобщей сияющей гладкости, казались ужасным браком.

Аргон шел рядом со мной, его молчание было красноречивее любых слов. Я чувствовала его напряжение, исходящее от него холодными волнами. Он не смотрел на Айрис. Он смотрел вперед, но его внимание было полностью приковано ко мне, к моему состоянию. Это немного успокаивало.

- Тебе понравятся апартаменты, приготовленные для вас, — голос Айрис, бархатный и влажный, как тропическая ночь, нарушил тишину. Она обернулась, и ее аметистовые глаза скользнули по мне. — Я лично проследила, чтобы все соответствовало... статусу наших героев.

В ее словах не было ничего предосудительного. Но интонация... Интонация говорила: «Я распоряжаюсь здесь. Это мой дом. И вы здесь только по моей милости».

- Нам бы что-нибудь попроще, — попытался парировать Аргон, но его голос прозвучал слишком сухо. — Мы ненадолго.

- О, не скромничай, Аргон! — вступил Зориан, сжимая руку Айрис на своем локте. — После месяцев в жестяной банке мы заслужили немного комфорта! Правда, Айрис?

- Без сомнения, — она улыбнулась ему, и ее узоры вспыхнули чуть ярче. Потом взгляд снова ко мне. — А для тебя, милая, я велела подготовить восточные покои. Там... спокойнее. И вид на сады камней. Думаю, тебе это будет ближе, чем наши технологии.

Меня будто обдали ледяной водой. Она говорила со мной так, как говорят с ребенком. Или с дикаркой, которую нужно мягко и аккуратно приучать к цивилизации. Унизительная, ядовитая снисходительность.

- Спасибо за заботу, — выдавила я, заставляя свои губы растянуться в подобие улыбки. — Но я буду там, где Аргон и Зориан.

Ее брови чуть приподнялись, в глазах мелькнуло искреннее удивление, быстро сменившееся холодной усмешкой.

- Как пожелаешь. Но предупреждаю, их апартаменты находятся в крыле наслаждений. Там бывает... шумно. Не все гости находят это комфортным.

Намек был настолько прозрачным, что я почувствовала, как краснею. Она намекала на мою неискренность. На то, что я не готова к тому, что творят братья в своих покоях. Зориан, похоже, ничего не уловил. Он уже представлял себе эти «шумные» развлечения.

- Отлично! То, что надо!

Аргон бросил на Айрис взгляд, который мог бы заморозить лаву. Но она уже отвернулась, продолжая вести нас по лабиринту сияющих коридоров.

Наконец мы остановились перед огромной аркой, за которой открывался вид на невероятной красоты апартаменты. Полупрозрачные ширмы, низкие диваны, утопленные в пол, с которых струился мягкий свет, и огромная терраса с видом на парящие в небе сады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.